

ФЕНОМЕН САМОСООТНОСИТЕЛЬНОСТИ СОЗНАНИЯ

Если мы задумаемся над вопросом, что отличает высокоуровневое сознание, которым обладает только человек, от первичного (или же перцептивного), свойственного, по мнению многих ученых, также и некоторым видам животных, то первое, что нам придет в голову, будет, скорее всего, следующее: «способность к самосоотнесенности», т. е. способность сознавать себя существом, сознающим себя. Ключевое свойство высокоуровневого сознания – способность к самосоотнесенности. Что имеется в виду?

Самосоотнесенность – это способность наблюдать за самим собой, это, как говорит Дж. Эдельман, сознание того, что ты обладаешь сознанием, осознание своей осознанности. Это самая высокоуровневая способность, и ею наделен только человек. Откуда она берется?

Если исходить из того, что на определенном этапе эволюции высокоуровневое сознание возникает закономерно, с необходимостью, то встают вопросы: почему, как, когда, на какой основе, повинаясь каким импульсам оно рождается?

Когда пытаются ответить на эти вопросы, в качестве исходных берут два варианта: либо рассматривают сознание как эпифеномен (просто как побочное явление, сопутствующее физиологическим процессам, свойство высокоорганизованных сетей), либо как нечто, реально существующее, реально действующее, имеющее основание в себе самом¹. В первом случае вопрос о логике возникновения переадресуется с вопроса о сознании и его ранних формах к вопросу о нервных сетях: почему *их* эволюция шла в том направлении, которое привело к рождению сознания на некоем уровне сложности? Что заставило сети эволюционировать именно так, – или это опять была случайность?

Если же сознание рассматривается как существующее и действующее на собственной основе (*efficacious*), то возникает вопрос: наделены ли им организмы с рождения или оно скачкообразно возникает в какой-то момент? Если верно последнее, то как, когда, на какой основе формируются те протоформы, которые лежат в основе его зарождения? Иными словами, вопрос вновь переносится на другой носитель, но по существу не меняется: по-прежнему неясна логика возникновения данного ключевого свойства, которым в развитой форме обладает лишь человек.

В настоящей статье предлагается альтернативная модель объяснения механизмов возникновения сознания как высокоуровневого свойства, не встречающегося больше нигде в природе и присущего только человеку (его удобно называть эго-сознанием, потому что его формирование непосредственно связано со становлением самости в процессе эволюции). Вкратце она такова.

Будем исходить из того, что сознание, как универсальная способность², свойственно человеку по природе. Однако не следует путать: оно – не то самое эго-сознание, которое известно нам по нашему повседневному опыту

¹ В английском языке этому пониманию соответствует термин *efficacious*, который обычно переводится как «действенный», «действующий», «эффективный» и т. п., но я думаю, в контексте рассматриваемой проблемы правильнее будет понимать под этим термином такое свойство процессов, явлений, феноменов, как наличие основания в себе самом, т. е. обозначение качества «быть субстанциальным по своей природе».

² В традициях ее еще именуют изначально чистым сознанием, сознанием-основой и т. п. Я использую термин «глубинное сознание».

и которое мы считаем вершиной эволюции. Оно – **то, что лежит в основе** всех остальных форм проявления сознания, в том числе и высокоуровневого (эго-сознания), ключевым свойством которого выступает способность сознавать, что являешься сознающим, т. е. способность наблюдать за работой собственного сознания и отдавать себе отчет в происходящем. Как говорит лауреат нобелевской премии в области медицины, многие годы посвятивший исследованию проблем сознания, Дж. Эдельман: «Оно (высокоуровневое сознание. – *И.Б.*) выражается в прямом осознании – невыводном или непосредственном осознании ментальных эпизодов без вовлечения органов чувств или рецепторов. Это то, что мы, люди, имеем в дополнение к первичному сознанию. Мы сознаём, что являемся сознающими»³.

Соответственно, для того чтобы понять природу самосоотносительной способности сознания, следует проанализировать, как рождается высокоуровневое сознание, как оно соотносено с глубинным, выявить характер их взаимосвязи, исследовать, почему, когда и в связи с чем происходит переход от последнего к первому.

Задача при таком «переворачивании проблемы» состоит не в том, чтобы объяснить, как из примитивных форм проточувствительности сначала рождается, а затем эволюционирует и приобретает современную форму высокоуровневое сознание, а в том, чтобы понять, как, когда, почему способность, более фундаментальная в сравнении даже с эго-сознанием, видоизменяется, обретая знакомые нам проявления: от достаточно развитых до совсем примитивных. Следует объяснить, почему – если нам *изначально присуща* способность глубинного сознания (которое по сравнению с эго-сознанием, используемым нами в повседневности, будет переживаться буквально как сверхспособность) – мы в какой-то момент оказываемся отделены от нее барьером самости и в результате утрачиваем те бонусы, которыми – по идее – наделены от природы. Иначе говоря, при «переворачивании» проблемы необходимо объяснить, не почему из проточувствительности амёбы рождается человеческое высокоуровневое сознание, а почему *одна и та же* «суперспособность» у амёбы принимает форму проточувствительности, тогда как у современного представителя технократической культуры она предстает в форме высокоразвитого символического эго-сознания?

Может создаться впечатление, что описанное «переворачивание» задачи предполагает вместо эволюции сознания объяснить его инволюцию, – о чем говорят эзотерики: сознание как божественная способность по мере опускания в глубину материи теряет свою легкость, прозрачность, огрубляется и предстает в той форме, которая знакома нам.

Однако в данном случае речь идет о другом. Сознание как глубинная способность присуща всему живому, и она, на мой взгляд, вообще не эволюционирует, потому что в каждой точке своего воплощения (в каждом данном виде живых существ) она представлена в максимальном (максимально возможном *для существ данного вида*) объеме. Конкретная же форма проявления, конкретная степень ее реализованности у данного вида живых существ определяется спецификой их структурной организации: наличием или отсутствием нервной системы, мозга, степенью их развитости, особенностями строения систем восприятия и переработки информации и др., – т. е. телесностью существа в самом широком смысле. А это значит, что если мы будем сравнивать амёбу и человека, задаваясь вопросом, в каком из этих видов способность

³ *Edelman G. Consciousness: The Remembered Present // Cajal and Consciousness. Scientific Approaches to Consciousness on the Centennial of Ramon y Cajal's Textura / Ed. by Pedro C. Marijuan // Annals of the New York Academy of Sciences. Vol. 929. N.Y., 2001. P. 113.*

глубинного сознания реализована полнее, мы должны будем констатировать, что она максимальна и там, и здесь. Просто уровень структурной организации, определяющий то, *как именно* и в каком объеме эта изначально данная способность глубинного сознания будет воплощена, у амебы и у человека различен. Хотя при поверхностном взгляде будет казаться, что сама подобная постановка вопроса кощунственна: у первой вообще нет никакого сознания, а у второго оно предстает как вершина когнитивной эволюции. Однако это верно лишь в том случае, если мы говорим о *высокоуровневом* сознании: оно действительно присуще лишь человеку, и не только у амебы, но и у гораздо более развитых существ не встречается.

Итак, я исхожу из того, что сознание как универсальная способность, базовая для любых вариантов когнитивных проявлений, от простейших (в виде элементарной проточувствительности) до сложнейших (в форме эго-сознания), у каждого данного вида явлено в максимальной форме, допускаемой его структурной организацией. Поэтому нельзя говорить об эволюции глубинного сознания. Но можно говорить об эволюции *высокоуровневого* сознания, которое существует только у человека и которое производно от глубинного сознания.

В какой же момент и в связи с чем оно возникает?

На мой взгляд, высокоуровневое (эго-)сознание рождается на основе универсальной способности глубинного сознания, присущего человеку по природе, в тот момент эволюционной истории, который в Библии представлен мотивом грехопадения. Вкушая от древа познания добра и зла, человек вбирает в себя противоположности, делает взаимоисключительности частью своего внутреннего мира. Отныне прежде целостный человек (это состояние выражается в Библии мотивом невинности) диссоциирован, и его взгляд на мир (а также и на самого себя) становится неустранимо дуальным. В результате обращения к миру с *такой* позиции неизбежно формируется **видение** окружающего как двойственного, наполненного борьбой и конфликтом, потому что любая репрезентативная система распознаёт и выражает своими средствами только то, что отвечает ее собственной природе. Иными словами, мир разный, но диссоциированным умом он будет с необходимостью восприниматься как поделенный на противоположности, которые он усмотрит везде, куда бы ни направил свой взгляд.

Итак, если сознание как глубинная базовая способность присуще всему живому, то конкретная форма ее проявления у данного конкретного вида, а именно то, насколько объемно, насколько детально она окажется реализованной (будут ли это, к примеру, как у амебы, простейшие формы проточувствительности в виде переживания состояний, сопровождающих собственные перемещения в пространстве, или же, как у человека, – высокоуровневое, символическое, эго-сознание), – всё это окажется зависимым от уровня сложности структурной и телесной организации вида.

В каком же соотношении находятся степень сложности телесной организации существа⁴ и степень проявленности, а также конкретная форма воплощения (на базе этой сложности) способности глубинного сознания в нем? Если дать такой ответ: одно **соответствует** другому, т. е. степень полноты представленности способности глубинного сознания в существе данного вида **соответствует** степени сложности его структурной организации, то что получится?

⁴ Имеется в виду наличие или отсутствие у него нервной системы, степень ее развитости, характер и структурная организация органов восприятия и переработки информации.

Понятие соответствия применительно к проблеме сознания

Хотя на первый взгляд кажется, что такое суждение вполне содержательно, дело с ним обстоит не так просто. Чтобы показать это, затронем некоторые методологические вопросы, связанные с понятием соответствия. Что значит «одно другому соответствует»? В каком смысле? Какое конкретно содержание вкладывается в это понятие?

Обычно попытка дать определение заканчивается на том или ином этапе кругом: «соответствует» – значит для каждого элемента одного множества может найтись элемент другого множества. Но что значит «может найтись»? Он сам найдется? Но он же не обладает собственной активностью. Значит, его кто-то найдет? Но по какому принципу? Поставит в соответствие. Иными словами, то, что один объект (элемент множества) соответствует другому, значит, что его можно поставить в соответствие.

Теперь рассмотрим вопрос применительно к интересующей нас проблеме соответствия степени представленности способности глубинного сознания в данном существе уровню его структурной организации. В каком смысле одно другому соответствует? Кто сформулировал правила такого соответствия? Кто определил, что эти правила выполняются? А если всего этого нет, то как можно говорить о каком-либо соответствии?

В предлагаемом мною подходе проблемы определения соответствия просто не возникает: одно соответствует другому – уровень телесной сложности существа (включая наличие или отсутствие нервной системы, мозга, специфику строения органов чувств и т. п.) соответствует конкретному уровню воплощения глубинного сознания – в том непосредственном и прямом смысле, что они – *одно и то же*. Просто они даны нам в тех двух противоположных формах своего проявления, которые навязываются нашему восприятию диссоциированным умом. Иными словами, степень проявленности глубинного сознания у данного вида живых существ и характер его структурной организации по природе одно, но диссоциированным умом оно *видится как* два различных момента, потому что именно такое восприятие-видение отвечает дуальной природе ума. В связи с этим я предлагаю говорить об истинном, подлинном соответствии в том случае, когда объекты представляют собой одно и то же – только на разных уровнях своего проявления.

Данная конкретная форма проявления сознания и данная конкретная форма нервной организации – это одно и то же, но предстающее диссоциированному уму как двойственность ментального и телесного, так сказать, материи и сознания. Это не то, что имеет место «на самом деле», а то, как имеющее место на самом деле *видится* диссоциированному, дуальному уму. Если иметь это в виду, то тогда можно сказать, что не сознание продуцируется низлежащими сетями (или уровнем их организации) и не низлежащие паттерны организации – результат воплощения, огрубления, «отелеснивания» сознания по мере его продвижения вглубь материи, а сознание и сети (паттерны организации) – это одно и то же, всего лишь воспринимаемое дуальным умом как различное в силу того, что именно такое восприятие соответствует его собственной диссоциированной природе.

Совершенно очевидно, что при таком подходе снимается проблема соответствия, которую очень трудно решить каким-либо иным образом.

Хочу обратить внимание читателя на еще один интересный момент, связанный с подходом, в рамках которого обычно рассматривается вопрос соответствия сложности сознания уровню структурной организации мате-

рии. Если мы постулируем, что имеются, так сказать, правила перевода, по которым выражения одного языка (языка нервных сетей, языка паттернов структурной организации, языка психических состояний и т. п.) *ставятся в соответствие* выражения другого языка (языка состояний сознания), мы неизбежно сталкиваемся с т. н. парадоксом гомункулуса.

Что это такое?

Парадокс гомункулуса

Данный парадокс хорошо известен в исследованиях, связанных с разработкой проблематики машинного перевода, а именно с постановкой *в соответствие* выражениям одного языка (естественного) выражений другого (как естественного, так и искусственного). Смысл его состоит в том, что если, осуществляя перевод с языка на язык, мы постулируем существование системы, которая задает правила такого перевода (т. е. которая определяет, каким выражениям одного языка поставить в соответствии те или иные выражения другого), мы впадаем в дурную бесконечность. Потому что, если для осуществления перевода необходима система, задающая правила такого перевода, то понадобится и система, определяющая то, какие правила данной конкретной системы должны регулировать данную конкретную ситуацию перевода. Но в таком случае мы нуждаемся также и в системе, которая будет определять, какие правила той второй системы должны быть использованы для регулирования того, какие правила первой системы следует в данном конкретном случае применить, и т.д. до бесконечности. Эта проблема известна как парадокс гомункулуса: гомункулус – это такой маленький придуманный человечек, который живет в голове размышляющего большого человека и определяет, по каким правилам выражения одного языка поставить в соответствие выражения другого.

Можно предположить, что на такой парадокс мы будем наткаться всегда при объяснении любых познавательных и мыслительных механизмов, когда, решая проблему, станем постулировать наличие *отдельной системы*, определяющей, что, чему и по каким правилам ставится в соответствие. А сделать это мы будем вынуждены, потому что иного способа обозначить аспект «соответствия» (кроме как задать правила, по которым одному объекту класса ставится в соответствие⁵ другой или другие объекты класса), у нас просто нет. Это говорит о том, что *в самом основании методологического каркаса наших знаний об эпистемологии человека лежит неотслеживаемый и часто неосознаваемый парадокс, указывающий на то, что попытка определить соответствие в любом процессе соотнесения объектов, принадлежащих разным классам, путем указания набора правил связана с регрессом в бесконечность*. Иными словами, на пути *такого* задания соответствия никакая познавательная проблема, по сути, решена быть не может. В том числе и проблема выявления соответствия мозговых / нервных / структурных (и любых других) процессов (состояний, паттернов организации) и задаваемых ими актов сознания.

На самом деле этот парадокс воспроизводим в любой сфере, где речь заходит о самоприменимости, о функции наблюдения или контроля за процессом наблюдения или контроля; о способности сознания, направленной на способность сознания (т. е. о самосоотносительности сознания) и т. п. На-

⁵ Обратите внимание: даже в формулировании проблемы всплывает круг!

пример, мы говорим, что мозг функционирует таким образом: он способен к самонаблюдению, т. е. высокоуровневое сознание ключевым образом отличается от первопорядкового тем, что человек знает о том, что он знает, что он сознаёт, что является сознающим. Пытаясь объяснить такое положение вещей в русле традиционной методологии⁶, мы оказываемся вынуждены ссылаться на некую таинственную способность, запрятанную глубоко внутри «большого размышляющего человека», пытающегося определить, как получается, что он сознаёт обстоятельство наличия у него сознания. Иными словами, если следовать в русле традиционных подходов, то для того, чтобы выразить аспект самоприменимости признака (осознавание себя как существа, являющегося себя осознающим), мы должны указать некие правила, принципы, регулирующие замыкание способности на саму себя, управляющие процессом направления и перенаправления внимания. Но это как раз и приводит к тому, что мы оказываемся вынуждены в той или иной форме допустить, что в голове «большого думающего человека» живет «маленький решающий человечек», который включает опцию направления сознания на собственную способность направлять сознание, когда «большой человек» решает понаблюдать за собой, осознающим. В вышеприведенном методологическом анализе мы уже имели возможность убедиться, чем оборачивается такое понимание процесса.

Но что же тогда такое самосоотнесенность сознания? Что представляет собой способность сознавать, что ты являешься сознающим? Если предположение о том, что в нас есть некто сознающий, что мы являемся сознающими, приводит к регрессу в бесконечность, то как же передать аспект самоприменимости, не впадая в дурную бесконечность?

Самосоотнесенность сознания

Прежде чем попытаться ответить на этот вопрос, снова использую общеметодологическую часть, которая позволит сначала понять общий принцип решения задачи.

Как уже отмечалось, подлинное соответствие объектов друг другу означает, что на самом деле они – одно, но *воспринимаемое нашим дуальным, диссоциированным умом как два разных объекта / процесса / явления в силу его собственной двойственной ограниченности*. А это, в свою очередь, означает, что, если мы намерены непротиворечиво обозначить принцип, по которому способности «быть осознающим» ставится в соответствие способность «осознавать себя как являющегося осознающим», мы должны постулировать, что данные свойства представляют собой *одну, общую, единую способность, которая лишь нашим диссоциированным умом видится как две различных*. Эта общая единая базовая способность сознания может называться **глубинным сознанием**, именно она присуща человеку по природе. Иными словами, способность самосоотнесенности и есть та глубинная базовая способность, которая на поверхности нашему диссоциированному уму предстает как две различных.

Один тонкий момент: не следует путать способность к самосоотнесенности как свойство *высокоуровневого* сознания и способность к самосоотнесенности как неотъемлемую атрибутивную характеристику *глубин-*

⁶ Которая обычно ищет корни процесса в чем-то отличном от самого процесса, в чем-то, что, так сказать, «существовало до того, как интересующий феномен развился», – в нашем случае это способность сознавать себя сознающим.

ного сознания. Это различие, как правило, игнорируется, но это не значит, что его нет. Дело в том, что первая способность проявляется как эго-позиция, как *позиция наблюдателя* по отношению к процессу, вынесения себя за скобки процесса, – позиция настолько привычная для нас, что мы ее как нечто отдельное от самих себя вообще не отслеживаем (как не ощущает рыба того, что живет в воде). Вторая форма самосоотнесенности – это состояние непрерывной бдительности, *постоянного присутствия*, пребывания в режиме «здесь и сейчас». Именно в этом режиме обеспечивается непрерывное самоосознание, о котором типичный представитель современной культуры мало что знает, потому что на собственном опыте практически не испытывает. Об этом опыте бдительного присутствия в каждом мгновении настоящего постоянно говорят духовные учителя, однозначно указывая на него как на путь, ведущий к просветлению, освобождению от колеса сансары, обретению подлинной свободы и возможности управлять собственной жизнью.

Не трудно видеть, что при таком понимании никакого парадокса не возникает, потому что нет постулирования отдельной ипостаси, функцией которой является перенаправление внимания с любых других объектов на саму эту способность. А это значит, что направление внимания на собственную способность направлять внимание, *осознавание себя как являющегося осознающим* не включается время от времени по каким-то причинам (законам, принципам) каким-то маленьким человечком в нашей голове, а действуют постоянно, потому что способность осознавать самого себя – базовая для человека.

Но если это так, то почему же, как только что упоминалось, к подобному режиму функционирования способны лишь немногие, а именно те, кто либо уже достиг просветления, либо весьма близок к нему?

Для понимания природы данного феномена, я думаю, требуется сменить акцент в объяснении: необходимо проанализировать не то, почему способность к самосоотнесенности в какой-то момент включается у существа, ранее ее (якобы) лишенного, а то, *почему эта способность в какой-то момент оказывается выключенной у существа, которому она присуща изначально, по природе*. Иными словами, следует установить, почему оказывается так, что человек, чьей базовой фундаментальной характеристикой как вида как раз и является способность к осознающей самосоотнесенности, в повседневной действительности редко когда может похвастаться тем, что он реализует ее на практике, – даже если делает достижение именно такого режима функционирования своей осознанной целью? (Отметим в скобках, что это настолько трудно устанавливаемое состояние, что оно отнесено к категории специальных практик в духовных исканиях.) Всё это кажется несопоставимым с постулатом об изначальной, по природе присущей человеку как виду, способности к самосоотнесенности сознания. Дело здесь, как я полагаю, в следующем.

Ум диссоциированного человека способен функционировать лишь в одном из двух режимов: направленность на объект либо направленность на себя. Когда такой ум направляется на объект, он теряет самого себя в объекте и оказывается неспособным к сопутствующей этому процессу самосоотнесенности. Почему так происходит? Потому что, пока человек целостен, для него нет объекта и субъекта, нет себя и другого. В этих условиях акт направления внимания «вовне» (как мы, диссоциированные и использующие язык, в основе которого диссоциация, сказали бы) есть акт направления внимания «вовнутрь», на себя-направляющего-внимание. (На самом деле, конечно же,

никакого «вовне» и «вовнутрь» на стадии недвуальности не существует.) Поэтому не требуется двойного действия: оно изначально одно, а именно внимательное полномасштабное целостное осознание-присутствие в настоящем.

С момента привнесения в жизнь человека двойственности дело обстоит по-иному: человек и мир больше не одно целое, есть «я» и «другой», соответственно, есть направление внимания на себя и на другого, осознание происходящего по отношению к себе и другому. И это уже не одно целостное действие, а два различных акта-процесса, требующих для их одновременного осуществления *диссоциированным* умом поистине титанических усилий, – вот почему на практике это так трудно осуществимо, даже если ставится как непосредственно контролируемая субъектом цель.

Таким образом, то обстоятельство, что изначально присущая человеку как виду способность к осознающей самосоотносительности оказывается утраченной – в виде постоянного спутника проживания им каждого мгновения жизни, – объясняется, если говорить обобщенно, диссоциированностью его ума. Если же говорить более конкретно, тем, что с привнесением в его мир двойственности прежде единое состояние полноты присутствия в настоящем распадается на два частичных состояния-переживания, по-разному окрашенных и соотносенных с противоположной направленностью сознания: на себя и на объект. Диссоциированным умом объединяющее действие по синтезу этих двух противоположностей осуществляется с большим трудом и требует напряжения всех когнитивных ресурсов человека.

Вернемся теперь к методологическому анализу способности сознать себя сознающим или к самосоотносительной способности сознания.

Итак, если учитывать вышеупомянутое тонкое различие способности сознать себя сознающим, как присущей *эго*-сознанию и как присущей *глубинному* сознанию, то применительно к первому можно сказать, что это некая метауровневая способность, позволяющая нам замкнуть петлю внимания на самих себя, воспринять то, что происходит в нас в то мгновение, когда мы задаемся этим вопросом.

Та же способность в каждую единицу времени сознать себя сознающим, как атрибутивная для *глубинного* сознания, представляет собой нечто иное: а именно ежесекундное, постоянное пребывание в режиме «здесь и теперь», знаменующее полноту присутствия в настоящем. Как свидетельствуют люди, восстановившие такую способность, она не только не требует никаких ментальных и когнитивных усилий, но приносит огромное удовольствие, расслабление и устойчивое ощущение чистой необусловленной радости.

Сознание глубинное и поверхностное в связи с проблемой самосоотнесенности

Итак, глубинное сознание – как универсальная познавательная способность – присуще любому живому существу от рождения. Конкретная же форма его проявления определяется *степенью структурной сложности* самого существа. Так, для простейших организмов, не содержащих даже зачатков нервной системы, это глубинное сознание будет проявляться в форме наличия проточувствительности, позволяющей иметь информацию о переживаемых состояниях, сопровождающих собственные перемещения в пространстве, для обнаружения среды, обеспечивающей выживание существа, и избегания среды, угрожающей его существованию.

Иными словами, как нетрудно видеть, в предлагаемой модели происходит переворачивание логики взаимосвязей: проточувствительность, простейшее сознание и высокоуровневое сознание действительно между собой соотнесены, но не так, как мы привыкли думать. Проточувствительность – не примитивная форма развитого, высокоуровневого сознания, а форма проявления глубинного сознания, задаваемая уровнем сложности структурной организации данного конкретного существа. Поэтому из нее не будут прямо и непосредственно производны первопорядковое и высокоуровневое сознание.

Вместе с тем неверно будет и утверждать, что эти стадии между собой не связаны. Связаны, но иначе, чем обычно постулируют: примитивное как ступенька к высокоуровневому. Так их связь предстает лишь на поверхностном уровне. На самом деле проточувствительность организмов – это форма проявления *глубинного* сознания, поэтому для своего уровня организации она предельно и совершенно развита. Первичное же (первopпорядковое), как и высокоуровневое (эго-)сознание, – стадии эволюции *поверхностного* сознания. Последнее производно от глубинного и рождается, когда в мир человека приходит двойственность, являющаяся следствием диссоциации, которая отныне пронизывает всю его жизнь (эмоциональную, физическую, ментальную) и кардинальным образом видоизменяет и картину мира, и характер познавательной активности.

В рамках эволюции этого диссоциированного (поверхностного, утратившего глубину) сознания могут быть намечены разные стадии, которые оно проходит по мере совершенствования средств адаптации к среде с целью выживания в ней, но в самом общем виде можно выделить первичное (его еще называют перцептивным) и высокоуровневое, (эго-сознание). Первичное сознание связано с самосоотнесенностью в ее простейшем проявлении – как способностью переживать различные перцептивные состояния в процессе адаптации и отдавать себе отчет в них как в тех, которые имеют отношение к данной относительно устойчивой единице действия в мире, переживаемой/ощущаемой агентом действия как «я».

Обладают ли такой формой сознания животные, и если да, то какие именно: высокоразвитые (шимпанзе, гориллы)? Или же те, что живут в постоянном и непосредственном контакте с человеком (собаки, кошки)? А может, все млекопитающие, птицы, некоторые виды рептилий, простейшие?

Сама такая постановка вопроса кажется странной: о какой форме сознания можно говорить применительно к существам, значительно уступающим человеку в сложности структурной организации когнитивной и нервной системы? Это вызывает, если так можно выразиться, общеметодологическo-теоретическое сомнение. Однако тот, кто имел достаточно тесный контакт с теми или иными видами животных и птиц, исходя из своего практического опыта общения с ними, будет отстаивать убеждение в том, что многие виды животных и птиц сознание имеют. Как далеко простирает это свойство в глубь эволюционной лестницы видов, каждый решает для себя сам: кто-то ограничится высшими приматами, кто-то включит млекопитающих, кто-то (как например, Дж. Эдельман) будет готов допустить наличие этого свойства (первичного сознания) даже и у рептилий. Вот, в частности, что он пишет: «Поразительно, что холоднокровные животные с примитивной корой будут иметь жесткие ограничения по вопросу первичного сознания, потому что их ценностные системы и ценностно-категориальная память не имеют достаточно стабильной биохимической среды, позволяющей установить соответствующие взаимосвязи с системой, которая может поддержать (обеспе-

чивать) такое сознание. Так, если относительно змей это еще можно допустить (хотя этот вопрос неясен, все зависит от температуры), то лобстеры определенно им не обладают. Если дальнейшее исследование подтвердит это предположение, то сознанию около 300 миллионов лет».⁷

Однако, употребляя термин «первичное сознание» применительно к животным, мы невольно и непреднамеренно экстраполируем феномен, известный нам, людям, по нашей повседневной практике, на существ, коренным образом от нас отличающихся. И это коренное отличие заключается как раз не в степени сложности структурной организации их мозга и нервной системы, а в том, что они – в отличие от человека – не пережили драмы диссоциации и *вследствие этого* сохранили свойственную всему живому по природе недвойственность. Целостность, недuality – вот ключевое качество, фундаментальная особенность, определяющая характер взаимодействия существа со средой и, тем самым, формы его познавательной активности. Если оно сохраняет однопорядковость миру, т. е. в той же мере целостно и недuality, что и мир в целом (а это проявляется, в частности, в том, что у такого существа нет и не может быть понятий-представлений «я» и «мир»), оно сохраняет способность к прямому непосредственному усмотрению-проживанию другого как себя, что составляет самую основу способности, которую применительно к миру человека мы называем эмпатийной способностью и которая свойственна реликтовому мировосприятию. У диссоциированного человека, как уже отмечалось, данная способность оказывается заблокированной, поскольку вследствие привнесения в его мир двойственности он утрачивает однопорядковость миру, что лишает его возможности непосредственного знания-усмотрения происходящего в другом как во-мне-самом-совершающегося. Именно такое драматичное видоизменение характера его познавательных потенций и обуславливает рождение эго-сознания, призванного решить задачу приспособления к миру в условиях, когда непосредственное прямое усмотрение-знание-понимание происходящего оказывается невозможным. Этот скачок в формах адаптации к миру, на мой взгляд, представлен в Библии сентенцией: «В поте лица будете добывать хлеб свой», – иначе говоря, то, что прежде давалось как дар, без усилий, как бы само собой, отныне потребует напряжения сил (будет добываться «в поте лица»).

Таким образом, говоря о разных формах сознания и об их присущности или неприсущности другим формам живых существ, имело бы смысл внести определенные уточнения. А именно, у всех видов живых существ имеется глубинное сознание, которое, в зависимости от степени сложности телесной и структурной организации данного существа, предстает в разных проявлениях: от зачатков проточувствительности до развитых форм сознания. Но развитые формы сознания – в том виде, в котором они знакомы нам, современным людям, обладающим диссоциированным умом, – не являются прямой формой воплощения глубинного сознания (подобно тому, как это имеет место в отношении даже проточувствительности простейших организмов). Они – формы, этапы, стадии эволюции *поверхностного* сознания, которое как раз и является производным от глубинного, возникая в момент привнесения в мир человека двойственности и утраты по этой причине контакта с собственной глубинной, объемностью (восприятия, понимания, знания происходящего).

Поэтому вряд ли стоит говорить о том, что животным присуще первичное сознание или даже зачатки высокоуровневого (некоторым видам). Оно им не присуще просто потому, что все эти формы – чисто человеческие, они

⁷ Edelman G. Op. cit. P. 122.

не могут быть реализованы на других структурах, фундаментальной характеристикой которых выступает *недвойственность*. Эти формы сознания рождаются двойственностью и имеют в своей основе двойственность миро- и самовосприятия. Ничего этого нет больше ни у каких видов живых существ, поэтому формы их познавательной активности и средства перцептивной или же когнитивной адаптации к миру⁸, хотя в каких-то своих проявлениях и могут нам напоминать наши собственные, на самом деле иные. Можно сказать, что в основе всех форм адаптации других видов живых существ к миру лежит высокоразвитая эмпатийная способность, позволяющая знать-понимать происходящее как собственные внутрителесные процессы, а уж насколько сложной будет получающаяся в результате этого картина мира, определяется степенью развитости и сложности структурного обеспечения данного живого существа (и в плане телесной, и в плане когнитивной организации). Соответственно, получаемая в результате картина реальности будет воплощением матрицы структурной организации данного живого существа, наложенной на безграничное богатство и разнообразие потенций мира.

Вкушение от древа познания как метафора рождения самосоотнесенности сознания

Таким образом, логика зарождения и эволюции сознания другая, чем мы привыкли думать. Способность глубинного сознания является врожденной, присущей всему живому по природе, конкретная форма проявления которой в каждом живом существе обусловлена уровнем сложности организации данного существа, а не ее эволюцией. На каждом своем уровне она представлена в максимальной форме, поэтому не может увеличиться и в этом смысле, не может эволюционировать. Но она может видоизмениться, в определенном смысле, и на некоторых этапах, инволюционировать. Этот феномен инволюции глубинного сознания – акт диссоциации, которую пережил человек в эпизоде своей филогенетической истории, представленном в Библии мотивом грехопадения.

Смысл этого символического события связан с замыканием познавательной способности на саму себя. Иначе говоря, мотивом грехопадения символически представлен тот момент общечеловеческой когнитивной эволюции, когда познавательная динамика обрела новую направленность: не вовне и даже не вовнутрь (на внутрителесные процессы), а на саму себя. И здесь стоит обратить особое внимание на переворот в мироощущении, связанный с рождением самоосознавания.

Экспериментальные данные свидетельствуют о том, что присоединение внимания к деятельности усиливает переживание деятельности. В частности, ученые обнаружили, что, когда человек смотрит на ту часть своего тела, к которой прикасается, соматосенсорная зона коры головного мозга, отвечающая за интерпретацию тактильных ощущений, активируется сильнее, чем когда он не видит прикосновения.⁹ Поэтому *направление внимания на саму деятельность направления внимания* делает – помимо всего прочего –

⁸ Всё это понятия из категориального аппарата человека, неустранимо двойственные по своей природе, по логике своего порождения, и потому непригодные на самом деле для характеристики мира недвойственного, – но других понятий у человека нет, поэтому мы вынуждены ими оперировать.

⁹ Эккерман Дж. Краткая истории человеческого тела. 24 часа из жизни тела: секс, еда, сон, работа. СПб., 2008. С. 52.

переживание куда более острым, чем всё то, что до этого ощущалось. В этом переживании кристаллизуется новое ощущение – *самости* как чего-то отличного от всего прежде испытанного.

Когда такой шаг был впервые сделан в когнитивной эволюции человека, в это мгновение и произошло привнесение в его мир двойственности, диссоциации. Потому что отныне одно и то же – физиологически, субстанциально, телесно – существо, в одно и то же время, в одном и том же отношении стало «я» и «не-я». «Я» – как то переживание, которое конституируется при *обращении способности сознания на саму эту способность*, когда человек «сознаёт себя сознающим». (Подобное переживание выливается в составляющую «дух», «душа», «разум», которые с этого момента больше «не плоть». Так и рождается полностью лишенное вещественности духовное начало и полностью лишенное духовности телесное.) И «не-я» – как все остальные формы переживания собственной представленности в мире, которые по сравнению с предыдущим становятся менее острыми, менее полными и слабо интенсивными.

Подобная трансформация само- и мироощущения выливается в дихотомизацию всего на свете. И отныне это та самая *позиция* двойственного, дуального мировидения, которая проявится и при взгляде на самого себя, и на окружающее, и на других существ. Таким образом, диссоциированный ум будет все воспринимать дуально, потому что любая репрезентативная система распознаёт в окружающем то, что соответствует ее собственной природе. Можно сказать, что это та искажающая линза, которая отныне постоянно перед нашим мысленным взором. Поэтому когда мы видим мир поделенным на противоположности, наполненным борьбой и конфликтами, это не столько говорит о том, каков мир, сколько о том, каков наш ум, каков *тот инструмент*, который мы направляем на постижение и мира, и (между прочим!) самого себя.

Заключение

Итак, способность сознать мир и сознать себя сознающим – это единая базовая способность сознания, которая присуща человеку по природе и которую я называю глубинным сознанием. В традициях¹⁰ она именуется сознанием-основой, изначально чистой способностью сознания. Здесь ключевой момент, обуславливающий возникновение наших заблуждений на счет того, что это две разных способности (сознать и сознать себя сознающим), – в том, что само это представление о наличии таких двух отдельных вещей, как «быть направленным на другое» и «быть направленным на себя», – это иллюзия диссоциированного ума, в большей мере отражающая его собственную природу, чем природу того феномена, на постижение которого он направлен. На самом деле изначально нет «направленности на другие объекты» и «направленности на себя», потому что на эволюционно ранних стадиях развития человека у него отсутствуют такие представления-ощущения-переживания-понятия, как «я» и «другой / другое». Мир един, и человек – его неотъемлемая составная часть, не являющаяся выделенной. Поэтому, максимально близко подходя к выражению в языке того качества, которое в языке адекватно выражено быть не может (из-за недвойственной природы первого и двойственной природы последнего), мы можем сказать, что, когда способность сознания направляется на другого, она – *этим же* актом – направляет

¹⁰ Например, в тибетском Дзогчен, традиции Великого Совершенства.

ется на себя (в этом, вероятно, состоит глубинная логика метафоры зеркала: мир как зеркало, в которое человек смотрится, чтобы увидеть себя). По самой природе способности сознания, когда мы направляем ее на другое, мы видим себя, потому что она в это же самое мгновение, этим же самым актом направлена на нас самих.

Чтобы понять это, представим себе океан и его отдельные капли. Отдельные капли, если точкой отсчета для них вдруг оказались бы они сами, вполне возможно, восприняли бы себя как отличные от других, от всех остальных капель, как неповторимые, больше нигде и никогда не встречающиеся. И если оценивать с позиции капли, то так оно и будет. Но если смотреть с позиции океана, то все капли — это он же, океан, и каждая капля в миниатюре содержит всё то, что содержит в себе океан, все его характеристики. И в этом смысле все они — одно. Все они — воплощение этого единого целостного океана.

То же и с сознанием отдельного человека. Ощущение различия этих актов: направленности сознания вовне, на «другое», и направленности его вовнутрь, «на себя», а в частном случае — на саму эту способность сознания, то, что они видятся как различные события и различные способности¹¹, обусловлено диссоциированной природой нашего ума (тем, что в нем существуют понятия «я» и «другое», «вовне» и «вовнутрь», «на себя», и «на другое» и характер мировосприятия предзадан наличием в уме именно этих устойчивых точек опоры в восприятии мира и самого себя). Из этой диссоциированности ума проистекает и специфика видения им того, что происходит. Отсюда — ощущение различия направленности на себя и на другое и последующее различение направленности на себя как на внутреннего «другого» и на себя как на внутреннее «я» (самонаправленность, самосоотнесенность). На самом деле, это всё — одно, подобно тому, как разные капли океана — один целостный, в действительности не подразделяющийся на капли, океан. Эта изначальная, целостная, нерасчлененная, базовая для всех остальных когнитивных проявлений функция сознания и есть, согласно предлагаемой модели, глубинное сознание как универсальная способность.

¹¹ Получившие в категориальном аппарате нашей культуры имена «наблюдение», «интроспекция», «самосознание» (или «самоосознавание»).